

МАНЮНЯ едет на концерт

Наринэ
Абгарян

Иллюстрации Елены Жуковской

Премия
«Рукопись года»

Номинация на премию
«Большая книга»

Наринэ Юриковна Абгарян
Манюня едет на концерт
Серия «Манюня», книга 4
Серия «Мир, дружба и жвачка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70382254

*Манюня едет на концерт / Наринэ Абгарян ; иллюстрации Елены Жуковской: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-155986-1*

Аннотация

Веселые приключения подружек Манюни и Наринэ продолжаются!

В этой книге девочки едут с хором давать концерт в соседнем селе, доводят строгую Ба до белого каления, поиграв шерстью для набивки одеял в снежки, пытаются спасти Маню от бабушкиного гнева неожиданными методами и едут вместе с папой Нары в Ереван к знаменитому врачу.

Теплая атмосфера детства, головокружительная череда невероятных событий и прекрасные цветные иллюстрации – все это делает книгу отличным подарком и детям, и их родителям.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Манюня едет на концерт, или Как можно заставить гневаться Бетховена	6
Манюня фонтанирует идеями, или Как Ба устроила нам незабываемую премьеру «господибожетымой»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наринэ Абгарян Манюня едет на концерт

Мир, дружба и жвачка

Иллюстрации *Елены Жуковской*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Наринэ Абгарян, текст, 2024

© Елена Жуковская, иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Манюня едет на концерт, или Как можно заставить гневаться Бетховена

– Белый верх, темный низ, форма парадная! – метался по коридорам музыкальной школы обезумевший от волнения хормейстер Серго Михайлович. – Девочкам обязательно повязать пышные белые банты, колготки тоже белые. Туфли черные!

Волнение Серго Михайловича легко объяснялось – завтра должно было состояться выступление учеников музыкальной школы города Берда в доме культуры села Мовсес. Выступление было приурочено к торжественной дате – пятидесятилетию создания колхоза «Заветы Ильича», самого передового в нашем районе.

– Приедет делегация из соседнего Красносельского района, – Серго Михайлович заикался от волнения. – А также предполагается присутствие ответственных товарищей из других республик!

Если бы Серго Михайловичу сообщили, что послушать выступление учеников нашей школы прилетают жители далекой галактики Альфа Центавра, то волнения, поверьте, было бы меньше. Одно дело представители инопланетных, чуждых нашей партии и правительству идеологий, другое дело – пятидесятилетие самого передового на весь район колхоза!

– Завтра с утра никто не пойдет в школу, мы обзвоним ваших директоров и представим им список учеников, которые по уважительной причине будут отсутствовать на занятиях! – Наш дружный радостный рев заглушил на минуту голос Серго Михайловича, но хормейстер был стреляным воробьем – одним взмахом невидимой дирижерской палочки он заставил крик захлебнуться. – С девяти утра и до часу дня мы репетируем в школе, потом все расходятся пообедать и переодеться! В три часа собираемся возле входа, там нас бу-

дет ждать автобус. Начало праздничного концерта – ровно в шесть! Опаздывать нельзя!

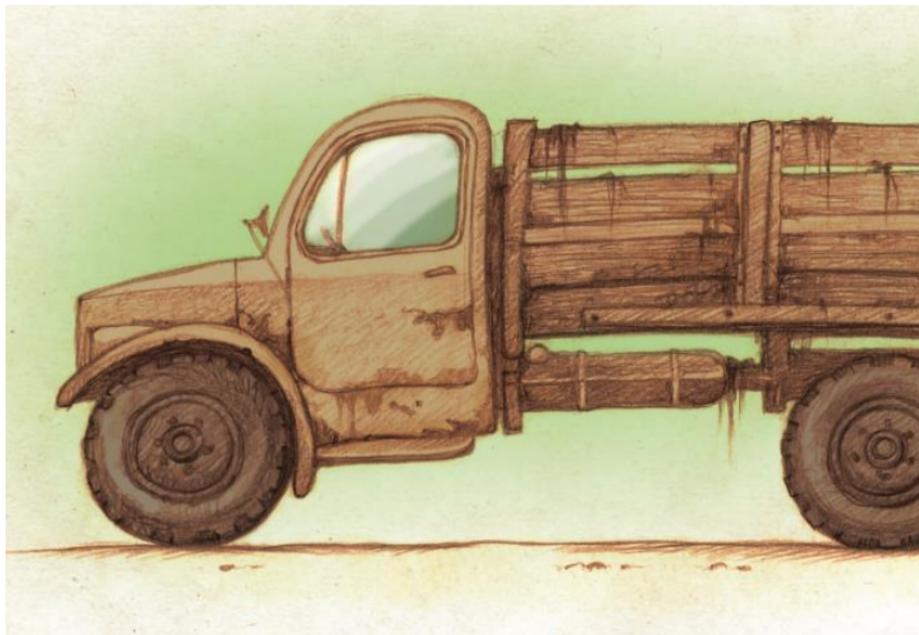
Еще бы опаздывать нельзя! На восемь часов вечера, в честь прибытия высоких гостей из соседних районов и республик, был намечен торжественный банкет. Банкет потом плавно перетекал в завтрак. Далее гостей загружали в автобусы или служебные автомобили и раскидывали по пунктам назначения.

На следующий день, ровно в пятнадцать ноль-ноль, мы с Маней, простирнутые и отутюженные до крахмального скрипа, вошли во двор нашей музыкальной школы. Первым, что бросилось нам в глаза, был заляпанный по самые брови грузовик «ГАЗ-63». Он раскорячился напротив входа в школу

и всем своим видом гордо свидетельствовал о самом непосредственном своем участии в защите Киевской Руси от печенежских набегов.

Рядом с грузовиком волновалась стайка наших ребят в одинаковых белых сорочках и темных брюках. Чуть поодаль трепетали девочки с белыми пышными бантами в волосах.

У капота грузовика, при полном параде, в бархатном пиджаке и кружевном жабо безутешно рыдал хормейстер Серго Михайлович. По левую руку от него клокотала в праведном гневе аккомпаниатор Инесса Павловна. Нам с Маней сразу

стало ясно – происходит что-то из ряда вон выходящее.

Рядом с грузовиком виновато переминался с ноги на ногу кургузый худющий мужичок и периодически встревал во вселенский плач Серго Михайловича:

– А я-то при чем, мне сказали – загрузить и довезти до пункта назначения, я и приехал... Ты пойми, автобус сломался, чинить его будут, скорее всего, целую вечность, другого свободного автобуса нет... Я шофер опытный, кого только не перевозил – и племенных бычков, и коров, и свиней, а однажды мне доверили чистокровного коня ахалтекинской породы, ты хоть знаешь, сколько они стоят?

Серго Михайлович оторвался от капота и смерил водителя уничтожающим взглядом.

– Объясните мне, при чем здесь племенные бычки или коровы?! – крикнул он. – Это дети, вы понимаете? Де-ти!!! Как я могу позволить перевозить их на таком... – хормейстер запнулся, – драндулете?

– Зачем обзываешься? – заволновался бывший перевозчик чистокровного коня ахалтекинской породы. – Это же ласточка, а не машина. Ее как списали за физический износ с военного полигона – так она и служит нам верой и правдой двадцать лет. Ни разу не подвела!

– Вас как зовут? – в голосе Серго Михайловича зазвучала такая надежда, словно, назови сейчас водитель грузовика свое имя, и чудо-агрегат из тыквы превратится в изящную карету.

– Анушаван меня зовут, – галантно представился мужичок, – можно Анушаван Наполеонович!

– Как-как? – У Серго Михайловича задергалось веко. – Как, вы говорите, вас зовут?

Водитель грузовичка нервно покосился на глаз Серго Михайловича, потом спешно отвел взгляд в сторону кружевного жабо.

– Наполеонович я, – пробубнил он, – можешь меня просто Анушаваном звать. Главное – ты не сомневайся, я шофер опытный, довезу вас с песней!

– С какой песней?! – Серго Михайлович в поисках поддержки повернулся дергающимся веком к Инессе Павловне. – Там все заляпано по самую крышу! И как я могу позволить, чтобы на таком грузовике перевозили этих музыкальных детей? – Перст Серго Михайловича вперился в нас – мы в знак солидарности мигом слились в единый, празднично одетый многоглазый организм. – Две скрипки! – выкрикивал Серго Михайлович свои аргументы. – Альт, два канона, гитара! Два доола, один дудук! Две флейты! Пюпитры! Нотные книги! Тридцать восемь детей из интеллигентных семей!

Инесса Павловна заламывала свои прекрасные тонкие руки в многочисленных серебряных браслетах – нет, не затем она выросла в кружевном тбилисском Авлабаре, чтобы разъезжать на грузовике для перевозки скота.

– Серго Михайлович, – высунулась из окна секретарша музыкальной школы, – я дозвонилась, мне сказали, что ни

одной свободной машины нет, придется ехать на грузовике. Если вы прямо сейчас не двинетесь, то к шести часам точно не успеете.

Выхода не было. Мы сложили в кузов музыкальные инструменты в футлярах, нотные книги, пюпитры. Пол там и сям был завален засохшей травой и листьями от кукурузных початков, лохмотьями мешковины, плохо прочищенными следами коровьих лепешек и другим полезным в сельском хозяйстве добром. Борта кузова ходили ходуном и топорщились шляпками больших гвоздей.

– Ребята, крепко держимся за борт грузовика, но не облокачиваемся, одежда белая, испачкаете! – выкрикивал хормейстер, подсаживая каждого ребенка в кузов.

Сам залез последним и проследил, чтобы Анушаван Наполеонович тщательно закрепил задний борт грузовика.

Инесе Павловне галантно уступили место рядом с водителем.

Анушаван Наполеонович заметно волновался при виде нашей аккомпаниаторши.

– Домчу как ласточку, – шаркнул он ножкой в раздолбанном башмаке.

Мы в ужасе жались по периметру бортов грузовика. Сесть было некуда. В довершение ко всему оказалось, что металлические части кузова проржавели насквозь, а каждый уважающий себя ребенок из замученной дефицитом советской семьи четко помнил – ржавчину с одежды не извести ничем. Если только атомным взрывом. Вместе с одеждой. Поэтому-

му, хоть все и вцепились в борта грузовика, но старались держаться от них на расстоянии вытянутых рук.

– Анушаван Наполеонович! – крикнул Серго Михайлович. – У нас ровно два часа до начала концерта! Нам нужно успеть доехать, привести себя в порядок да подготовиться к выступлению.

– Мамој клянусь! – зарычал Анушаван Наполеонович и завел мотор.

Раздался оглушительный взрыв, грузовик, выкашляв какое-то количество топливных миазмов, рванул с места.

Трепетный «вуй ме» Инессы Павловны затонул в нашем дружном «аааааааааааааааа!».

Если по городу машина проехала еще более или менее прилично, и нам лишь приходилось со стыдом отворачиваться от испуганных взглядов прохожих, то на серпантине проселочной дороги она показала все свои таланты. Грузовик трясло так, словно неведомая сила рвала его на мелкие части. На поворотах его заносило сильно вбок, и вся наша ватага отскакивала теннисным мячиком от одного борта кузова к другому. Никто уже не думал о ржавых пятнах на одежде – главное было не упасть и вовремя увернуться от очередной ветки раскинувшегося прямо над проезжей частью дороги дерева.

– АнушаваАаАаАаАаАаАаАн! – заклацал зубами Серго Михайлович – праздничное ширококалиберное кружевное жабо застило ему лицо и забивало рот. –

АнушаваАаАаАаАаАаАаАн, осторожнееееее на поворотАаАаАаАаАх!!!

Механическое чудище заскрежетало, встало на короткий миг на дыбы и ринулось рассыпаться на куски с удвоенной силой. Из его недр вырывался вопль: «Мамой клянус», – это Анушаван Наполеонович, решив, что Серго Михайлович подгоняет его, прибавил газу.

Когда грузовик, дребезжа всеми металлическими частями своей израненной души, въехал во двор дома культуры села Мовсес, пред взором встречающих развернулась дивная картина – из кузова, как из рога изобилия, посыпалась кучка дрожащих чумазных детей во главе с полубезумным мужчиной в кургузом пиджачке и заляпанном кружевном жабо. Из кабинки выпала женщина с застывшей гримасой бесконечного ужаса на лице.

– Я же говорил, что домчу с песней! – водитель грузовика с трудом сдерживал ликование.

– Спасибо, Анушаван Наполеонович, – выплюнул наконец кружевное жабо Серго Михайлович, – что бы мы без вас делали!

К сожалению, поездка на колхозном грузовике оказалась не единственным сюрпризом, уготованным нам баловницей-судьбой.

Накануне в дом культуры села Мовсес был делегирован штатный настройщик музыкальной школы Эдуард Миронович. По приезде он позвонил Серго Михайловичу и мрачно

сообщил, что рояль дома культуры находится в таком состоянии, что его можно прямо сейчас распиливать на небольшой костер.

– Сделай что-нибудь! – клокотал хормейстер в трубку так, что слышно было на всю округу. – Эдуард Миронович, вся надежда на тебя!!!

Эдуард Миронович буркнул, что он не Бог, но постарается что-нибудь придумать, и отключился.

Мы ехали в твердой уверенности, что рояль хотя бы частично настроен.

По приезде оказалось, что председатель колхоза «Заветы Ильича» со словами: «Ты сначала поешь, а уж потом поработай», – и, руководствуясь исключительно доисторическими кавказскими традициями гостеприимства, пригласил Эдуарда Мироновича к себе на обед.

Обед плавно перетек в ужин, и настройщик, потеряв всякий над собой контроль, так увлекся едой и напитками, что теперь двигаться был решительно не в состоянии.

Серго Михайлович какое-то время простоял, словно громом пораженный, а потом махнул рукой – у него даже на банальное возмущение не осталось сил, свои эмоции без остатка он уже выплеснул в кузове грузовика «ГАЗ-63» по всему протяжению тридцатикилометрового маршрута Берд – Мо-всес.

Концерт мне запомнился двумя эпизодами.

Эпизод первый

Манюня стоит на сцене и увлеченно терзает скрипку. Я наблюдаю за ней из-за пыльного занавеса. Моя подруга выглядит так, словно ее, не отстирывая, долгое время сушили в автоклаве. Местами ее банты и даже сорочка сохранили еще белизну. А в целом она была сильно мятая и заляпанная, и на коленках и щиколотках у нее гармошкой сложились колготки.

Эпизод второй

Помню, как я сижу за ненастроенным роялем и тщетно пытаюсь вытянуть из него звуки, отдаленно напоминающие пьесу Бетховена «К Элизе». Играю по памяти, потому что знаю произведение наизусть, и, разбуди меня в три часа ночи, я без запинки, с закрытыми глазами, продолжу его с любого места.

Неожиданно я спотыкаюсь о какой-то аккорд – и холодею, потому что понимаю, что концовка пьесы вылетела из головы. Наступает звенящая тишина, в зале раздаётся недоуменное шушуканье, и, чтобы как-то его заглушить, я начинаю наигрывать пьесу с самого начала. «Уж в этот-то раз концовка точно всплывет в памяти», – лихорадочно соображаю я. Но в опасной близости от рокового аккорда я с ужасом понимаю, что часть «К Элизе» забыта напрочь. Времени на раздумья нет, и я, ничтоже сумняшеся, стартую в третий раз!

Из-за кулис до меня долетает сдавленный шепот Инессы

Павловны:

– Нариночка, деточка, закругляйся!

Да я бы сама с радостью, только бы знать, как это сделать!!!

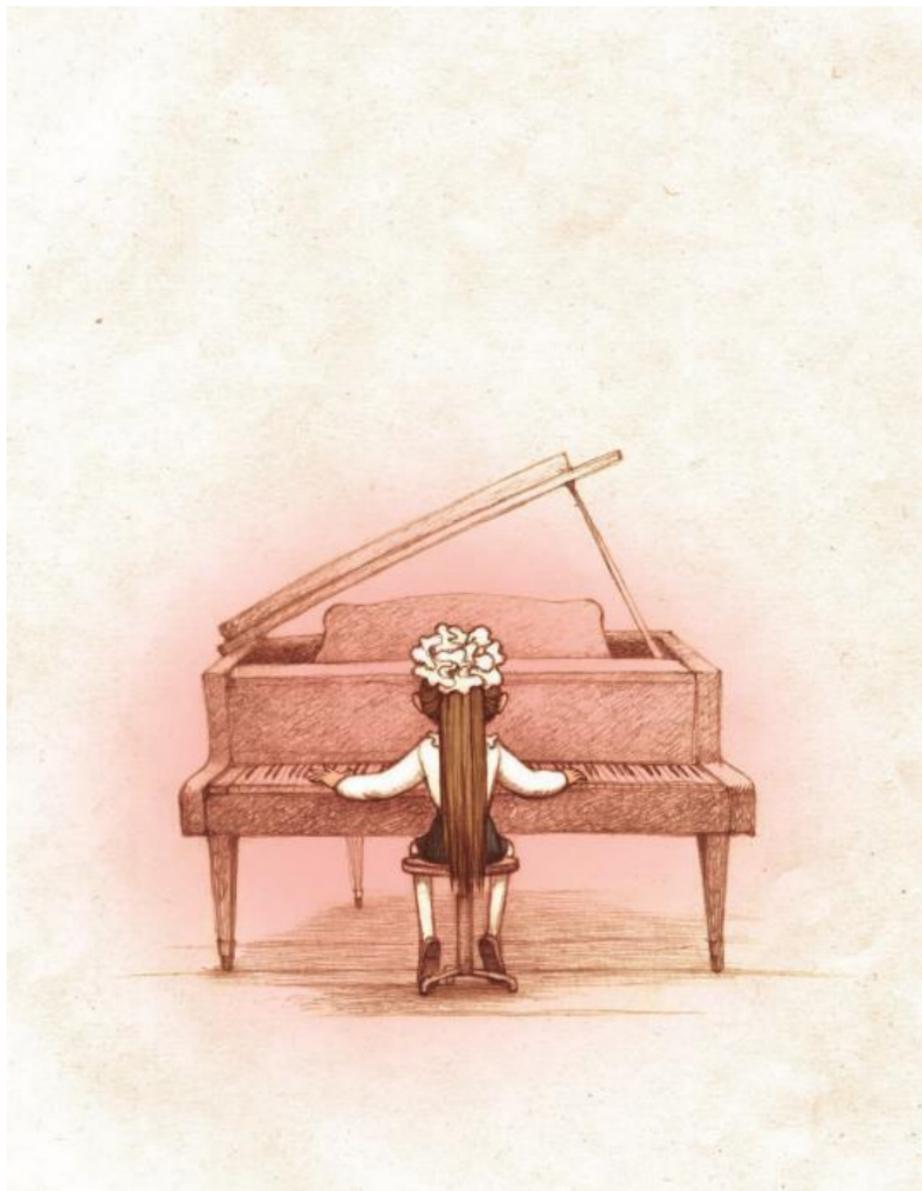
Если бы не наш отважный хормейстер, то я, наверное, играла бы, не останавливаясь, до следующего юбилея колхоза «Заветы Ильича».

Но на восьмом витке, когда Бетховен уже вдоволь нагневался в своей могиле, из-за занавеса выскочил Серго Михайлович, решительным шагом направился ко мне, отодрал мои лапки от клавиатуры и сдал на руки Инессе Павловне. «Вуй ме, – причитала Инесса Павловна, – ребенка окончательно растрясло в кузове!!!»

Есть у меня маленькая надежда, что гости, ошеломленные разрушительным кавказским гостеприимством, обнаружив себя через какое-то время в родных пенатах, ничего, кроме оглушительного застолья, не запомнили. И мое позорное выступление осталось в памяти только у выпускников нашей школы.

Правда, теперь и вы об этом знаете. Только вы ведь никому не проболтаетесь, верно?

Манюня фонтанирует идеями, или Как Ба устроила нам незабываемую премьеру «господибожетымой»

Ба принципиально не доверяла отечественной легкой промышленности и особенно – ее текстильной отрасли. Ба раздражали коричневые безобразные хлопчатобумажные чулки, байковые халаты и торчащие колом пальто из зубодробительного драпа. Ба любила пройтись мимо вешалок с растянутыми свитерами и демонстративно возмутиться на весь магазин.

Дядя Миша считал, что в Ба погибла великая актриса, и иногда смешно передразнивал ее, когда мы возвращались домой после очередного похода в наш убогий городской универмаг. Но порой Ба выкидывала такие фортели, что даже флегматичный дядя Миша выходил из себя.

– Объясни мне, пожалуйста, – ругался он, – зачем тебе надо было становиться в первую балетную позицию и вещать на весь магазин, что пусть такие чулки сами продавщицы и носят?

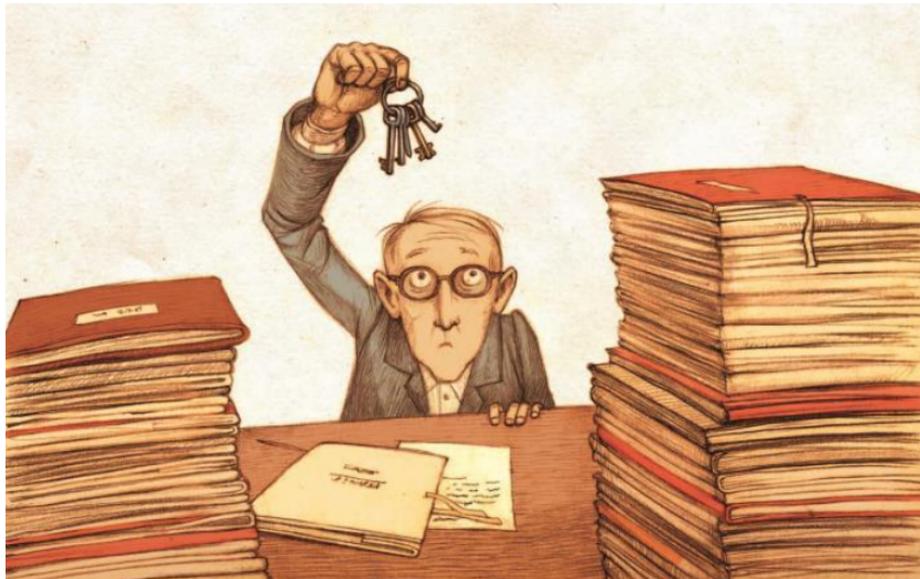
Ба упирала руки в боки и хмыкала так, что от резонанса дребезжали стекла в окнах по всему дому.

– Ой-ой! – Ба вытаскивала из кармана огромный мужской носовой платок и демонстративно протирала им лицо.

Мы с Маней старались в такие минуты испаряться из комнаты.

Поход в универмаг оборачивался скандалом не только для дяди Миши. На фирменный скандал от Ба могли напороться все сотрудники универмага, начиная с продавцов и заканчивая директором, если, конечно, он по какой-то нелепой случайности в этот тревожный для его трудового стажа день находился на работе.

Ба требовала к себе особенного отношения. И чтобы добиться этого, разыгрывала в универмаге целый спектакль. Сначала она методично обходила полки с товаром, тыкала пальцем в тот или иной шедевр отечественной легкой промышленности и демонстративно громко хохотала. Параллельно зорким взглядом она выискивала среди покупателей сочувствующих товарищей. Сочувствующие товарищи в предвкушении зрелищ сбивались в благодарную публику и подобострастно трепетали.

Далее Ба заканчивала с маневрами и приступала к военным действиям. Первым делом, заручившись одобрительным гулом преданной публики, она принималась третировать несчастных продавщиц.

– Небось сами из-под полы торгуете болгарскими полотенцами с вышивкой, а на прилавках шаром покати! – наскокивала на них она.

Продавщицы трепетали, разводили руками и кивали в сторону кабинета товароведа – вон где, мол, скрывается основной источник ваших бед. Ба, получив таким образом добро на дальнейшие действия, устремлялась к кабинету товароведа.

Товаровед тире бухгалтер универмага представлял собой весьма жалкое зрелище – это был истерзанный и бесконечно несчастный лупоглазый мужичок, жертва сварливой, как Ба, тещи. Поэтому он, ничего не предпринимая, беззвучно вздыхал в ожидании своей горькой участи за огромными завалами папок по бухгалтерской отчетности. Нарастающие децибелы голоса Розы Иосифовны давно уже докатились до его кабинета и предрекали неминуемое явление самого конца света в обличье Ба.

Когда Ба вторгалась в кабинет, товаровед, истерично дергая кадыком, выползал из своего укрытия. В качестве отступных он тряс перед собой, словно белым флагом, связкой ключей от склада. Ба, еще раз оглушительно хмыкнув для окончательного подавления его воли, пропускала его вперед и конвоировала к заветным, недоступным среднестатистическому советскому гражданину, помещениям.

Через какое-то время она торжественно выплывала к нам и победно несла в руках что-то заграничное, красивое и бесспорно качественное. Следом выползал несчастный товаровед. У товароведа выражение тела было такое, будто он несет за пазухой голодного ядовитого тайпана. Для вашего сведения – сила яда тайпана такова, что одним укусом он может убить сто взрослых людей!!!

Таким отчаянным методом Ба в эпоху жесточайшего советского дефицита добывала более или менее сносную одежду для всей своей семьи. Иногда, кстати, кое-что перепада-

ло и моим родным. Был случай, когда Ба выдержала бой с самим директором универсама и ушла от него с тремя парами югославских кожаных сапог. Потом в них щеголяли моя мама и папина сестра Зоя, а третья пара улетела в Новороссийск, к дочке Фаи, которая Жмайлик.

Хуже обстояли дела с постельными принадлежностями и бельем. И, так как неоднократные хождения по складам укрепили Ба в мысли, что перьев со всех голубоватых членистоногих советских кур хватает только на перины для партийной верхушки, то ничего другого, как самой шить одеяла и матрасы, ей не оставалось.

Для шитья одеял и матрасов закупалась овечья шерсть. Самым легким в этом деле была покупка шерсти. Далее начинались семь кругов ада. Эту кошмарную, невероятно грязную шерсть сначала нужно было очистить от мусора и репейных шишек. Далее ее тщательно промывали в пяти водах. Потом во дворе, на самом солнцепеке, стелились большие клеенки, и на эти клеенки выкладывалась мокрая шерсть. При этом ее в течение дня нужно было обязательно ворошить и переворачивать, чтобы она просохла со всех сторон. Потом шерсть выбивали длинным тонким прутом виноградной лозы. Долго и нудно, до волдырей в руках и радикулита в пояснице. Далее каждый (!) клочок шерсти нужно было распушить в руках, чтобы он стал невесомым и легким, как облачко.

Под одеяло покупалась специальная ткань, из нее шился

наперник, его набивали шерстью, простегивали, а потом к одной стороне одеяла пришивался шелковый отрез, чтобы он красиво выглядывал из конвертика пододеяльника.

Адская работа. Поэтому, когда Ба бралась за нее, Маня перебиралась на день-второй к нам, чтобы не попадаться ей под горячую руку. Мама сидела с маленькой Сонечкой и не могла помочь Ба, зато она по мере возможности освобождала ее от других домашних забот. Поэтому в этот тяжелый период дядя Миша обедал и ужинал у нас.

– Спасибо, Надя, – говорил он маме, протягивая тарелку за добавкой, – если бы не ты, она бы давно уже простегала меня и Маню вместе с одеялами вдоль и поперек!

Мама делала бровки домиком, собирала губы в бантик, чтобы не рассмеяться, и предостерегающе кивала в нашу сторону.

Дядя Миша отмахивался:

– Дети сами все знают!

В один из таких дней Ба позвонила маме:

– Я уже управилась с большей частью работы, пора набивать наперники шерстью, нужно, чтобы девочки подержали одеяло, пока я буду его простегивать. Отправь ко мне Наринку с Маней. И спасибо тебе, дорогая, за все, ты меня очень выручила.

– Ну что вы, тетя Роза! – Мама зарделась как школьница. – Не за что благодарить. – Девочки, – окликнула она нас, – Ба нужна ваша помощь!

– Хорошо, – мигом отозвались мы.

Кто бы посмел отказать Ба в помощи? Никто! Жить хотелось всем. Поэтому расстояние между нашими домами мы взяли резвым галопом за рекордно короткий срок.

Ба мы застали возле калитки. Она наспех чмокнула нас в щечки.

– Я в магазин за суровой ниткой, – бросила она на ходу, – ведите себя тихо, скоро буду.

Мы помахали для приличия ей вслед рукой и толкнули калитку. И окаменели от восторга. В центре двора на больших клеенках пенились воздушные клоки чистой белой шерсти. За три дня Ба успела ее промыть, просушить, взбить деревянным прутом и распушить облаком.

– Ух ты!!! – выдохнули мы. – Красота-то какааая!

Шерсть была белоснежная и, казалось, искрилась на солнце.

– Ура, – запрыгала Манечка, – кругом лето, а у нас зима, вон посреди двора лежит целая куча снега!

Мы подошли поближе. Потрогали аккуратно шерсть – она

приятно поскрипывала в руках и вкусно пахла стиральным порошком.

– А давай разуемся и походим по ней! – У Маньки загорелись глаза.

– Мань, – замялась я, – Ба нас за это по головке не погладит.

– Да ладно тебе, у нас же ноги чистые, мы осторожно! – Манька быстро скинула сандалики и ступила в шерсть. – Ой! – вскрикнула она. – Здорово-то как и немного щекотно.

Я последовала ее примеру. Ходить по шерсти оказалось сплошным удовольствием, она была пушистая и очень мягкая и доставала аж до Маниных коленок, а мне доходила до середины икр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.